

СОЧЕЛЬНИКЪ.

Юліана Мороза. (*)

Мелкій, густой снѣгъ сыпалъ въ глаза прохожимъ, уныло и тускло блѣтели огни фонарей въ этой снѣжной мглѣ, не позволяющей ничего разсмотрѣть на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Темно и мрачно на улицѣ; на тротуарахъ раздавались торопливые шаги вспокоившейся падающимъ снѣгомъ публики.

Это было въ канунъ Рождества.

Всякій торопился домой къ роднымъ или къ знакомымъ и только изрѣдка проходилъ кто нибудь медленными шагами съ опущенной головой и кто знаетъ, съ какими мыслями... О прошломъ ли, пережитомъ и на половину забытомъ или о завтрашнемъ днѣ?

Двое дѣтей, дѣвочка и мальчикъ, стояли передъ освѣщеннымъ окномъ, на которомъ выставлены игрушки, и глазенки ихъ весело двигались, перебѣгая съ одного предмета на другой.

— Ахъ, если бы эту лошадку... тихо шепталъ мальчикъ и лицо его покрылось облакомъ грусти, а на глазахъ навернулись слезы.

— Какъ знать?... если бы мама была жива... —отвѣчала дѣвочка. Прежде намъ всегда дѣлали елку...

И она также заплакала... О матери или о елкѣ?

Дальше подъ стѣной стоятъ молодая женщина, худая, болѣзненная. На рукахъ у нея маленький ребенокъ, закутанный въ какія то лохмотья. Женщина смотритъ на окно колбасной, глаза ея лихорадочно блестятъ. Она вѣроятно голодна.

Ночлежный пріютъ еще запертъ и туда не пустятъ такъ рано, а здѣсь ей такъ холодно, такъ хочется ѣсть... Было время, они проводили этотъ вечеръ не на улицѣ, а въ семьѣ, вмѣстѣ съ родными. Сегодня же ея сочельникъ—это теплый уголь и кусокъ хлѣба въ ночлежномъ пріютѣ....

На Сенаторской улицѣ въ банкирской конторѣ сидятъ за столомъ, согнувшись надъ работой, два человека—мужчина и женщина. Часовая стрѣлка

*) Съ поѣздки.

показываетъ половину восьмого. Газовые рожки притушены, ярко горитъ только одинъ надъ столомъ, за которымъ они работаютъ. Лѣта женщины овредѣли трудно, лицо блѣдно, безжизненно, большіе сѣрые глаза смотрятъ серьезно, а свѣтло-русые волосы, зачесанные вверхъ, собраны въ одну большую косу, свободно спускающуюся на простое черное платье. Мужчинѣ—лѣтъ за двадцать; у него блестящіе черные глаза и худое, нервное лицо; черные же волосы зачесаны назадъ и не закрываютъ высокаго красиваго лба. Онъ первый окончилъ работу, сложилъ свою книгу и облокотился на столъ, подперевъ голову рукой. Глаза его невольно устремились на наклоненную голову женщины. Сначала онъ какъ будто не замѣчалъ ея присутствія, а теперь сосредоточилъ на ней все свое вниманіе.

Женщина подняла голову. Глаза ихъ встрѣтились и она слегка покраснѣла.

— Позвольте вамъ помочь—сказалъ онъ, придивагаясь къ ней ближе.

— Я не хотѣла бы задерживать васъ...

— Мнѣ уже нечего дѣлать.

— Но сегодня сочельникъ.

— Меня никто не ждетъ.

И не спрашивая уже позволенія, онъ собралъ кучу росписокъ, лежавшую на столѣ и подъ его двѣтовку дѣвушка быстро вписывала ихъ въ разсчетную книгу.

Генрихъ Башицкій былъ главнымъ бухгалтеромъ въ банкирской конторѣ Лемберга, а Наталія Мирецкая служила тамъ же кассиромъ. Около двухъ мѣсяцевъ они уже видѣли другъ друга, но отношенія ихъ оставались только официальными.

Работа была окончена. Наталія заперла кассу, а слуга, ждавшій съ большимъ нетерпѣніемъ этой минуты, торопливо началъ убирать въ комнатѣ.

Генрихъ появился изъ-за стола. Наталія надѣла шляпку и не торопясь натягивала перчатки. Изъ отдаленныхъ комнатъ дома долетали крики и веселый смѣхъ; у банкира были гости. Онъ только что былъ здѣсь и простился съ молодыми людьми, пожелавъ имъ првести весело праздники. Онъ былъ даже не прочъ пригласить Генриха къ себѣ на вечеръ, но черные прекрасные глаза юноши заставляли его бояться за двухъ своихъ дочерей—невѣстъ. Вдругъ какая нибудь изъ нихъ заинтересуется... Предосторожность не мѣшаетъ...

Генрихъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы помочь дѣвушкѣ надѣть шубу, но она, какъ бы послѣ нѣкотораго колебанія, подошла къ нему и дотронулась своей рукой до его руки.

— Что вы дѣлаете сегодня вечеромъ?—спросила Наталія.

— Иду къ себѣ, чтобы сидѣть въ своихъ пустыхъ четырехъ стѣнахъ...

— Знаете что? Пойдемте ко мнѣ. Мы оба одиноки. Пробудемъ этотъ вечеръ вмѣстѣ, можетъ быть, намъ будетъ веселѣе...

Въ его черныхъ глазахъ засвѣтилась веселость.

— Я вамъ не помѣшаю?—спросилъ онъ тихо.

— Я бы тогда не стала васъ приглашать.

Они вышли вмѣстѣ. Онъ подаль ей руку; снѣгъ шелъ по прежнему; идти было довольно скользко; по временамъ она сильно опиралась на руку Генриха.

Шли быстро, не говоря ни слова; вѣтеръ дулъ имъ въ лицо и снѣгъ забивалъ глаза. Квартира Наталіи была не далеко и они пришли туда очень скоро.

Дѣвушка занимала комнату въ семьѣ, такъ какъ заводить своимъ хозяйствомъ не было времени. Большую часть дня приходилось проводить въ конторѣ.

Она ввела гостя въ свою комнатку и тому сразу сдѣлалось весело.

Послѣ холода и снѣга этотъ теплый уютный уголокъ имѣлъ особенную прелесть. Здѣсь на всемъ были видны слѣды изящнаго вкуса женщины. Удобная мягкая мебель, съ голубой обивкой, свѣтлыя обои стѣнъ, у оконъ блѣднѣющія занавѣски, на стѣнахъ—большое зеркало и нѣсколько прекрасныхъ гравюръ, на столѣ разныя бездѣлушки, напоминающія лучшія времена и куча книгъ; въ углу небольшой письменный столъ со всѣми принадлежностями и все это разставлено такъ симметрично, такъ изящно и красиво.

— Ахъ, какъ у васъ здѣсь хорошо, невольно воскликнулъ Генрихъ.

— Да, это единственный уголокъ, гдѣ я бываю сама съ собой,—отвѣтила дѣвушка—гдѣ сбрасываю съ себя всю искусственность и принужденность, гдѣ вспоминаются пережитые годы...

— И куда вы обыкновенно не впускаете нахоловъ...

— Нахалы теперь меня не преслѣдуютъ. Мы люди труда и намъ некогда заводить большихъ знакомствъ и поддерживать ихъ постоянно. Сюда же заходитъ только тотъ, кого я сама попрошу зайти.

Завязался оживленный разговоръ, который прервала на минуту служанка, внеся шумящій самоваръ. Наталія занялась приготовленіями, покрыла столъ бѣлой скатертью, поставила на немъ нѣсколько тарелокъ съ печеньями и жареной рыбой, потомъ взяла облатку, разломала ее и, подавая одну часть гостю, хотѣла что-то сказать, но слова остановились въ горлѣ и, вѣроятно, вызванные какими-нибудь воспоминаніями, двѣ крупныя слезы быстро скатились по ея лицу, упали на платье и такъ и остались на немъ двумя блестящими капельками.

— Чего вы плачете?—спросилъ Генрихъ.

— Грустно мнѣ... вспомнилось прошлое...

Онъ взялъ ее за руку и усадилъ около себя на диванѣ.

— Не плачьте, тихо сказалъ онъ, ласковымъ, добрымъ голосомъ—не плачьте... Мы оба одиноки, но теперь насъ все-таки двое и наше одиночество уже не такъ тяжело. Я искренно благодаренъ вамъ за то, что вы позволили мнѣ провести сегодняшний вечеръ съ вами, въ этой уютной, комфортабельной комнаткѣ...

Наталія усмѣхнулась сивозъ слезы.

— Сегодня такъ тоскливо сжималось сердце,

такъ тяжело было оставаться одной, что я побѣдила свою дикость и рѣшилась обратиться къ вамъ...

— Ахъ, вы не знаете, какъ нуженъ и для меня былъ сегодня такой уголокъ... Что-нибудь родное, близкое... Хотѣлось думать, что въ мірѣ есть хоть одинъ человекъ, интересующійся мною, хотя бы даже это былъ самообманъ...

Наталія открыла ротъ, приготовляясь что-то сказать, но остановилась и лицо ея внезапно покрылось румянцемъ.

Потомъ она спросила.

— У васъ нѣтъ родныхъ?

Генрихъ, вѣроятно, ждалъ не этого вопроса, такъ какъ по лицу его пробѣжала тѣнь неудовольствія.

— Никого, во всемъ мірѣ,—отвѣчалъ юноша съ грустью. Отца я даже не помню, мать умерла давно, другихъ родственниковъ не имѣю...

— Я также...

— Не имѣю никого, кто поддержалъ бы меня въ минуты слабости, въ минуты разочарованія и потери вѣры въ свои силы...

— Я также... повторила Наталія.

— Не имѣю никого, кто бы интересовался моей жизнью, моимъ будущимъ, къ кому бы я могъ обратиться за совѣтомъ, за дружескимъ сочувствіемъ...

На этотъ разъ дѣвушка ничего не сказала, только подняла свои большіе умные глаза и посмотрѣла на гостя.

Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ Генрихъ наклонился къ красивой, бѣлой рукѣ Наталіи и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Дѣвушка опять покраснѣла—потомъ встала и налила гостю чаю. Но теперь между ними не было прежней холодности, они перестали быть другъ для друга чужими и уже послѣ втораго стакана Наталія знала, что Генрихъ, осиротѣвъ еще мальчикомъ, самъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни. Въ гимназій жилъ уроками, а потомъ, хотя желанія и способности тянули его въ другую сторону, онъ, только для хлѣба, поступилъ на службу... Въ свою очередь Наталія рассказала ему о томъ времени, когда она жила еще въ деревнѣ, гдѣ у нихъ былъ прекрасный домъ и садъ, какъ потомъ все это продали за долги, какъ она искала работы и какія приходилось переживать тяжелыя минуты.

Отъ воспоминаній прошлаго они перешли къ настоящему. Генрихъ сознался, что не покончилъ совсѣмъ со своими давними мечтами, что онъ пишетъ понемногу въ нѣкоторыхъ газетахъ. Она говорила ему о книгахъ, которыя она читала, о своемъ самообразованіи, а онъ удивлялся полнотѣ и серьезности ея развитія. Мало по малу разговоръ принималъ болѣе интимный характеръ, они заговорили о своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Генрихъ рассказалъ ей, что въ началѣ онъ почти не обращалъ на нее вниманія, только немного страннымъ казалось ему работать вмѣстѣ съ женщиной. Но потомъ, видя ее каждый день, онъ внимательнѣе къ ней присматривался, началъ

чаще бывать въ комнатѣ, въ которой она работала, чаще отыскивалъ какую нибудь причину, что бы заговорить съ ней, чтобы увидѣть ея серьезные задумчивые глаза. Онъ очень жалѣлъ, что эта молодая дѣвушка должна сидѣть за тяжелой работой надъ скучными цифрами и вмѣстѣ съ тѣмъ злился на себя за то, что позволялъ себѣ интересоваться ею.

Его интриговала величавая, спокойная холодность, неприступность ея всегда серьезнаго лица. Что кроется тамъ въ глубинѣ души, подъ этой маской холоднаго мрамора? На этотъ вопросъ онъ не могъ найти отвѣта.

А дѣвушка краснѣла все больше и больше подъ дѣйствіемъ его искренняго теплаго голоса, подъ огнемъ красивыхъ черныхъ глазъ. Она зналась, что тяжелая школа жизни заставила ее одѣться этимъ панциремъ неприступности, заставила подавить сильные порывы молодого чувства... Ее также интересовалъ вопросъ—какія мысли кроются подъ его высокимъ, открытымъ лбомъ. Но предложить ему его она не смѣла...

И... было ли это слѣдствіе напряженнаго состоянія нервовъ, или они оба въ эту минуту такъ сильно нуждались во взаимномъ сочувствіи—Генрихъ взялъ ея обѣ руки и покрылъ горячими поцѣлуями, а она не вырвала ихъ отъ него....

Долго, долго говорили они и никогда еще ни одинъ сочельникъ не далъ имъ столько счастья...

Когда Генрихъ вышелъ отъ Наталіи, онъ свободно вздохнулъ молодой сильной грудью. Онъ вѣрилъ, что теперь у него есть цѣль жизни, есть будущее. А она по его уходѣ подошла къ окну, прильнула разгоряченнымъ челомъ къ холодному стеклу и тихо шептала: „люблю.... хорошо или дурно.... но люблю на всегда, на всю жизнь“....

Что будетъ дальше?—не знаю. Можетъ быть эти два пролетарія такъ расчувствовались только на одну минуту. Можетъ быть завтра же они встрѣтятся опять съ холодными официальными поклонами и спокойно, какъ всегда, примутся за свою работу? А можетъ быть вспыхнувшее чувство разорвется, дойдетъ до своего зенита, а затѣмъ наступитъ разочарованіе и каждый пойметъ своей дорогой съ надломленнымъ сердцемъ, разбитой жизнью? Или эти два, случайно встрѣтившіеся, человека пойдутъ рука объ руку по одному пути неразлучно до самой смерти?

Будущее покажетъ. Посмотримъ, что принесетъ слѣдующій сочельникъ....

Но во всякомъ случаѣ, свѣтлое воспоминаніе пережитой минуты счастья останется на всегда у нихъ въ памяти и можетъ быть когда-нибудь это воспоминаніе остановить готовое сорваться съ устъ проклятiе....